

Е
Л
Е
Н
А

С
В
Я
Т
Ш
У
В
С
К
А
Я

Вкус

на алых лесистках грибов

дома

16+

Елена Свительская

Вкус долга на алых лепестках слив

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Свительская Е. Ю.

Вкус долга на алых лепестках слив / Е. Ю. Свительская —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

Япония, 14 век. В горном монастыре после болезни осталось двое: старый самурай, давно постригшийся в монахи, и молодой мирянин, мечтающий стать его учеником путём тяжелых хозяйственных трудов и молитв. Юный и хилый чёрт, мечтавший стать учеником могущественного они, чтобы выслужиться решил найти и убить сбежавшего с поля битвы от они самурая. Два молодых и пылких сердца столкнулись в старом монастыре. Долг одного – защитить старого монаха, а другого – убить.

© Свительская Е. Ю., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

– Людишки совсем обнаглели! – вещал огромный, трёхрогий, синий они толпе собравшейся нечисти, рогатой, мохнатой, чешуйчатой, костлявой, мускулистой, жирной, пёстрому собранию короче вещал. – Эти люди не уважают никого! Всё меньше верят в наше существование! – немного притих, обвёл толпу собравшуюся взором строгим из-под прищуренных век, со значительным блеском змеиных, золотых глаз. – Если встретите из них кого-нибудь – убивайте сразу, едва они чего-нибудь о вас и о нас вообще ляпнут!

И толпа притихшая слушала. Робко и с восхищённым блеском узких глаз внимал ему четырёхрогий и щуплый демон-отрок, который не то что до груди – до колен бы не сумел вещавшему достать.

– Людей нельзя оставлять, которые не научены родителями и страхом уважать кого-либо кроме них! Иначе не с бобами и с солью придут они, мешая нашим странствиям и свиданиям, а с остро наточенным мечом и листьями заклинаний! – демон трёхрогий вздохнул. – Люди очень коварны, запомните, дети! Вспомним печально почившего Ямато-но Ороты, которого так малодушно опоили сакэ, а потом, сонному и хмельному, срубили голову! Людей нельзя ни жалеть, ни уважать! – добавил он резко.

– А то, что это у вас шрам на ухе левом и край мочки отрезан – это тоже какой-то негодяй из низменных людишек этих вас опоил рисовым вином и во сне отрезал?

Все сразу повернулись к огромной скале, куда торопливо нырнули четыре узких рога.

– Ах, это... – вздохнул чёрт синий и огромный. – Это я как-то развеялся слегка с бродячим ронином. Хорошая бы драчка была! – опять вздохнул. – Но та зараза, когда мы оба рухнули, истекая кровью и от усталости, очнулась первая и в ближайший горный монастырь сбежала. Прежде, чем я его нашёл, душонка эта малодушная принял постриг и поселился в одинокой хижине на заднем дворе. А как я пришёл – едва заслон молитв тамошнего настоятеля святого пробивши – так песенку запел, что монахам надобно оставить мирскую суету и склоки... – огромный они сжал кулаки. – Короче, монахи меня оттуда выперли.

– Так ведь даже святые вроде не вечны? – робко высунулась морда четырёхрогая и любопытная из-за дальней скалы, приютившейся почти у заворота реки огненной огромной.

– Святые-то не вечны... – чёрт трёхрогий и синий горестно вздохнул. – Да упрямство этого стареющего ныне аскета старше старика святого того: уже от болезни в монастыре все монахи и послушники там вымерли, уже из мирских не ходит туда никто, а он всё сидит в своей келье и твердит, что отринул всё теперь мирское и драться со мной не будет. Трусливые людишки! – он хряпнул по каменной скале огромной, что устремлялась во мрак пещеры огромной около него – и по шершавой поверхности прошла трещина, а по мохнатой синей ладони струя кровавая сползла.

– Так можно ж просто убить его?

– А ты пошто расселся тут и што забыл? – трёхрогий, синий чёрт сердито повернулся к осторожно прикорнувшему у глыбы отдельной поодаль юрэй.

– Да день в Ямато сейчас! – призрак поморщился. – Я не могу бродить в Срединном мире, когда у них там день. Ужели дрался ты так с тем монахом, что совсем мозги отшибли? Взял да и забыл?

Взревев, они отодрал огромную скалу ближайшую – раза в четыре с него ростом – и хряпнул в сторону женщины, таявшей постепенно от пояса к ногам, скучающе смотревшей на морду его из-под длинных, спутанных, прямых и чёрных прядей.

– Ямато нынче уж зовут Нихон! – ляпнул притаившийся вдалеке хилый и незванный четырёхрогий. – Давно зовут уже. Тебе, похоже, мозги при жизни отшибли ещё, о юрэй!

– А кто-то там, похоже, заделался в горном монастыре уже святым? – призрак с досады вспомнил людскую страсть к словесным боям. – Потому тут и бает кто-то, что монаху тому горло уж не сможет сам перегрызть!

– Да ещё можно... – поморщился огромный, синий и трёхрогий. – Вроде?.. Он, конечно, не святой, но немного силы аскезами своими многолетними уже достиг. Да аура того почившего святого охраняет то проклятое место. Я войти-то могу, но не могу ударить труса того первым, покуда сам он не нападёт. А он, зараза, хладнокровный, сам не нападет первым, чтоб я там вокруг не таскал него и не говорил! И вообще, твою морду и сопляка того четырёхрогого – выглядывает, ишь, из-за дальней трёхзубой скалы, любопытная морда – на свой урок рукопашной и изворотов вообще не приглашал!

– Да больно надо! – поморщился из-под прядей спутанных и длинных юрэй, поднялся, сердито оправив ворот белого кимоно, да широкий правый рукав. Да величаво уплыл.

Под взорами толпы, огромной, страшной и ненавидящей, выполз из-под дальней скалы трёхзубой хилый отрок-демон четырёхрогий, да уныло прочь пошёл, повесивши голову.

Брала обида, что он мелкий такой. Что нагуляла его мать от демона, да не убила, растила до тринадцати лет. Покуда рога не пробились на лбу и у висков, да не заметили паскудные людишки, что мальчишка вовсе не из них. А там камнями забивали, да бобами присыпали скорчившегося всей деревней. Хотя кем-то брошенную поверх сушённую сельдь-иваси он потом, очухавшись, съел. У рассвета почти. Съел да сил наскрёб уползти. Но в аду Макото тоже не приняли. Фырчали, что полукровка и человек паскудный. Били. Он научился быстро бегать и только.

И шёл, ногами шаркая, да голову повесив – хотя глаза нет-нет, да и бегали по сторонам, чтоб вовремя приметить хмурую какую-то опасность – покуда не отошёл от огненного озера, да приостановился у низких, чёрных скал.

У скалы третьей слева какой-то чёрт мучил прикованного грешника. Водил, лаская, по телу обнажённому раскалённым, толстым прутом. Человек как положено орал.

Вздыхнув, дальше пошёл Макото.

Грустно быть в аду человеком: как-то не по себе смотреть, как других мучают. Но чёрту, что юному, что взрослому вмешиваться в истязания грешников не положено: Разгневаются что Эда, что Будда. А Будда Макото сказал при встрече, что море зла в мире творится от безделья, да пошёл спасать какую-то отмучавшуюся уже душу. К чему вообще сказал?..

– Но я не должен здесь быть! – орал приласканный раскалённым докрасна железом. – Я в жизни вовсе не грешил! Я уважал учителя! Служил по делу и императору! Я так старался уберечь и вылечить почтенных моих родителей! Я старших уважал! Послушный сын и ученик!

– А кто жену свою юную и верную, любившую тебя искренно, продал в бордель? Как корчилась она от опаляющих отвращением прикосновений чужих мужчин!

– Но я купил лекарств родителям! – орал за спиною чёрта четырёхрогого и приостановившегося грешник мучимый. – Я купил лекарство родителям! Родители всю жизнь отдали мне, я старший сын! Я защищал их как мог! Я... а-а-а!!!

– А кто жену свою верную и искреннюю из борделя не выкупил, как разбогател?

– Так проще для новой дары свадебные было купи... а-а-а-а!!!

– А кто дочь среднюю от новой жены продал в бордель, девчоночку юную, чтоб лапали её потные и жирные старики?

– Я... а-а-а!!! Я спасал учителя! Я – добродетельный сын и ученик! Я лекарства... а-а-а-а!!! Лекарства я ему покупал десять лет! Я добродете... а-а-а-а!!! Ный! Я дом продал ради него! Я... а-а-а-а!!!

Покосившись на извивающегося и орущего человека прикованного, да на чёрта, ласкавшего того сладострастно раскалённым прутом, вот, спускаясь от сердца и ниже по животу, Макото, вздохнув, отвернулся и прочь пошёл.

Но что-то новое жгло уже внутри, пронизая печёнку и впиваясь в нервы. Неуютно стало как-то внутри. Шарахнулся отрок, извернулся. Нет, когтей чужих не пронзало его тело.

– Да что же?..

Шуршали, опадая, листья огромного клёна, затканного в ветхое уже алое кимоно. Шуршали, перекатываясь, подсохшие листья под метлою молодого послушника в ветхой рясе уже и аккуратно заштопанной. Стучали, медленно проходя по мощённым, монастырским тропам, старенькие, деревянные гэта, посеревшие уже от времени. С одним зелёным вместо синего шнурком.

Сгущались уже сумерки. Тихо шуршал хвоею скрюченных сосен ветер, обдирал кимоно со смущённо прятавшегося за храмом клёна.

Продолжала шуршать по каменным тропам метла, стгоняя опавшие листья в некое подобие порядка.

– Судзуки, иди есть! – донеслось из-за здания дальнего, покосившегося слева да подпертого свежесрубленной сосной.

– Вкушайте сами, сэнсэй! Я не голоден! – слотнув слюну, доблестно соврал юноша, да пошёл прогонять казавшиеся бесконечным потоком листья.

Метла остановилась у ноги босой, оцарапанной, с когтями длинными.

«Ногтями отросшими?..»

Молодой послушник наконец остановился, да взгляд поднял. Нет, отпустить пришлось.

Перед ним стоял худой отрок в ободранном с рукава левого, потрёпанном, синем юката. Обычный, бродячий, встрёпанный отрок, да только близ центра лба вытекали из-под кожи два коротких рога-клыка, да два таких же шло чуть повыше из-под висков.

Странное существо, достававшее ему по грудь, смотрело исподлобья. Пальцы тонкие и ободранные то сжимались, то разжимались. Гость непрощенный что-то порывался сказать, но как будто не смел. Как будто что-то затыкало ему рот.

– Ты, кажется, кушать хочешь? – улыбнулся смущённо юноша. – У нас осталось немного риса, что я сам вырастил в том году. Пойдём, я отдам тебе свою миску.

– Где этот проклятый старик? – проворчал четырёхрогий подросток. – Который почти святой?

– О, так ты учителю моему хочешь поклониться? – радостно улыбнулся Судзуки. – Так я проведу!

– Я хочу его убить! – рявкнул мальчишка.

– Ч-чего?! – шарахнулся, метлу перехватив, послушник.

– А пошто зараза эта убежал от моего Учителя?!

– Ч-чего?! – возмутился, метлу сжимая до побелевших костяшек, юноша.

– А то, что в молодости этот мерзавец обещал померяться силою с моим Учителем, честно и по-мужски! – сжал кулаки сердитый отрок, глазами, на миг позолотевшими, блеснул. – И вроде дрался гад мерзоспакостный сей честно, они, обессилев, кровью уж истекая, без чувств рухнули оба, да только душа эта паскудная и трусливая очухался первый, да сбежал торопливо в ближайший монастырь как бы принимать постриг! А потом Сэнсэй мой додраться пришёл, а тому людишке драться уже как бы и не положено!

– Так монах же он! – сердито сдунул прядь, с пучка выбившуюся на лицо, молодой послушник. – Ему же драться не положено!

– Положено там или не положено, но я его убью!

– Да не пошёл бы ты?.. – юноша метлу перехватил будто катану, направив на мелкого демона остриём... тьфу, пучком перевязанных ветвей, меж которых застрял целый и половина красных листьев.

– Я – достойный ученик своего почтенного учителя! Я заразу эту малодушную убью, как мой наставник почтенный не сумел его убить!

– Погоди... – растерянно человек моргнул. – А разве демонам присуще понимание долга перед наставниками? У вас же вроде никаких вообще законов?..

– А, это... – смущённо уже в ухе ковырнул четырёхрогий отрок, не подумавший в пути о сем, да уточнить у старших каких-нибудь чертей и синигами не додумавший.

И сердито вначале, потом растерянно смотрел на него человек.

Стемнело уже, как стояли они посреди подметённой, мощённой дороги.

Заурчало внезапно в одном животе. Потом – во втором. Шумно выдохнул рогатый отрок.

«Должен я добить врага моего учителя недобитого или не должен?..»

«Я должен этого мерзкого демона убить или не должен? Он вроде покушаться явился на моего Учителя... – человек вздохнул. – Но он же вроде пока никого не убил?..»

Темнело, шуршал листьями опавшими, разметая по вычищенной части дороги, да по прибранному двору, пронзающий до костей ветер.

Урчало в животе у обоих. Снова.

– Ты это... – носом шмыгнул молодой послушник, да блеснули на него из темноты два глаза золотых, да внезапно озарили светом тусклым пространство шагов на четырнадцать вокруг них, украшая прихрамовый двор сиянием каким-то диковинным, но жутким. – Ну, это... а если мы сейчас поедим, а утром сами у наставника моего спросим, положено ли ему драться вместо твоего наставника с тобой?

– Ну, это... – чёрт юный и мелкий живот потёр. – Так вроде разумно. Тока это... а нашто тебе меня кормить? – прищурился. – Отравить бобовую кашею хочешь? – чуть изогнулись краешки губ. – Или сверху сушённой сельдью-иваси присыпать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.